

С.К. МАКАРОВ

Несовпадение плана внутреннего и плана внешнего как антропологическая катастрофа*

Аннотация. В статье анализируется вопрос: «Почему я могу быть вовне не таким, каков я внутри?» — с опорой на противопоставление означаемого означающему. Их несовпадение означает растождественность внутреннего и внешнего. Внутреннее является означаемым, тогда как внешнее — означающим. Внутреннее дано через внешнее — означающее. Анализируется парадокс: как одно может быть дано через другое? В связи с этим приводится критика концепции знака Деррида. Говоря о существовании в самой структуре сущего двух планов — внутреннего и внешнего, — автор утверждает, что возможно, как их единство, и тогда вещь не прибегает к иному, чтобы быть выраженной, и является миру такой, какова она есть, так и их различие, когда вещь прибегает к иному и таким образом отчуждается от себя. Выдвигается тезис об антропологической катастрофе — ситуации, в которой субъект не равен самому себе. Через тезис об антропологической катастрофе автор приходит к тезису о субъекте: в модусе самоотждественности субъект становится свободен как от внешнего воздействия, так и от воздействия своей субъективности — ментального океана, окружающего субъекта.

Ключевые слова: бытие собой, антропологическая катастрофа, субъект, субъективность, самоотждественность.

Abstract. A question «Why can I be out not the same, that I am in?» is analyzed as contradiction between with signifier and signified. This discrepancy means, according to the author, discrepancy of internal and external. Internal is signifier, external — signified. Internal is given by external — signifier. The author analyzes this paradox: how may an one thing be given through the other? In this respect the author uses criticism of the concept of a sign by Derrida. Speaking about existence of the two plans in structure of being — internal and external — the author accentuates their possibility of unity and difference. In the first case a thing does not use the other to be expressed to the world such as it is; in the second case a thing uses the other and through that it does not alienate from itself.

The author puts forward a thesis about the anthropological catastrophe — this is a situation when a subject is not equal to himself. Through the thesis about the anthropological catastrophe the author comes to the thesis about a subject: in a modus of self-identity a subject becomes free both from influence of external and his own subjectivity, what is the mental ocean that encircles the subject.

Keywords: being oneself, anthropological catastrophe, subject, subjectivity, self-identity.

УДК 130.31
ББК 87.52

Почему мне нельзя быть собой? Что заставляет меня быть перед Другим не таким, каков я есть? На этом вопросе акцентировал свое внимание Р. Лэйнг, проводя экзистенциально-феноменологический анализ психотического опыта^[4]. Мы же займемся этой проблемой, изучая логику сокрытия внутреннего плана; мы проанализируем различия внутреннего и внешнего и выясним, что заставляет их не совпадать друг с другом; наконец, покажем возможность их совпадения.

Рождение знака и смерть вещи

Раскол, который претерпевает вещь, чтобы «быть» в этом мире (во внешнем) — это раскол «означающее/означаемое». В чем причина разделения на *означаемое* и *означающее*? Это вопрос не праздный в свете экзистенциальной теории, потому что если есть Я, являющееся само собой, ему нет смысла прибегать к *иному* для выражения себя: это приводит к противоречию — как Я могу быть дан через иное мне? Однако именно к такому противоречию мы приходим, когда противопоставляем означаемое означающему: означаемое (вещь) вынуждена реферировать к иному ей (означающему), чтобы означающее было выразителем ее. Но как вещь может прибегать к этому «плохому помощнику», который всегда лжет — так как скрывает естество вещи? Почему вещь не может *быть* сама по себе? Тема «плохого помощника» — это тема «грамматологии» Деррида [3]: вещь прибегает к «насилию

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Макаров С.К. Несовпадение плана внутреннего и плана внешнего как антропологическая катастрофа // Философия хозяйства. 2018. № 5. С. 188—196.

письма» в логоцентрической культуре, она проходит «обработку» ее Письмом. Она может быть выражена лишь средствами Письма, но при этом неизбежно уничтожение самой вещи.

Поэтому Деррида ополчается на знак. Вроде бы знак должен замещать вещь, но на самом деле этого не происходит: знак просто уничтожает ее как таковую; от вещи остается лишь «след» — безжизненный остаток, в котором не осталось ничего от вещи.

Вещи никогда и не было в западной логоцентрической культуре, насилующей ее. Был лишь след — обещание, что она будет. Так просто нам вещь не дадут. Только через знак, сквозь означающее. Но это обман. Через знак вещь получить нельзя.

Если в знаке нет вещи, как он тогда существует? Для Деррида — через след. След — насквозь *логический* концепт: онтологически в следе вещи нет и доли ее: это оболочка, из которой выскребли всю вещь без остатка.

То есть: когда у нас есть *означающее*, у нас *нет* означаемого. Как это соотносится с теорией экзистенциальной психологии? Чтобы мне быть как мне, я не могу прибегать к иному (посреднику) для трансляции себя: я могу транслировать себя только через самого себя; подлинное существование — это существование в режиме экзистенциальной тавтологии, когда человек не может прибегнуть к чему-то иному по отношению к себе, чтобы быть: чем больше он прибегает к иному, тем меньше его самого.

Шизофрения вещей

Итак, вещь скрывает себя, заворачиваясь в обертку знака. Что происходит в таком случае с вещью? Она оказывается несамотождественной, она разрывается и претерпевает шизофренический (по Кроу [7]) раскол. Шизофренический раскол, по Кроу, означает как раз то, что вещь не равна самой себе, или что *означаемое* не равно *означающему*. «Вещи не похожи на самих себя» — вот что сделал знак. Растождествил вещь с самой собой. Арбитранность (термин Соссюра [6], означающий произвольность связи означаемого и означающего) — вот свойство знака. Знак основан на том, что любому *x* можно поставить в соответствие опять же любой *y*.

Почему этот раскол шизофреничен? Потому что вещь не равна самой себе. Не $x=x$, а $x=y$. Вот почему. Но что заставляет вещь скрываться, быть не равной самой себе? *Почему вещи не могут быть собой?* Или поставим другой вопрос: почему вещи могут быть *не собой?*

Но мы рассуждаем о логике явления вещи для того, чтобы сказать о человеке. Через понимание сути раскола на означаемое и означающее мы выходим на понимание раскола в человеке — на того, какой он есть, и того, каким он является миру.

Дело в том, что нас разделили с собой, *заставили быть другими*; нам сказали, что собой быть нельзя, что вовне надо быть другими. Но *на чем основывается этот запрет?* Здесь нам открывается страшная правда: *все вовне не такое, какое оно внутри*. Это та истина, целью донести которую до своих членов задалось общество. Почему общество основано именно на таком антиантропологическом механизме, механизме растождествления с собой? Потому что логика внешнего — это «внешне» «правильная» логика: есть Я, но есть внешний мир, в порядок которого я вписан и с которым приходится считаться. Поэтому Я должно быть растождествлено с собой, иначе оно не сможет осуществить задачу по встраиванию себя в мир. Поэтому логика самоотчуждения закономерна для общества.

Возможность внутреннего раскола говорит о существовании внутри вещи двух планов: внешнего и внутреннего. Они могут быть тождественны друг другу, а могут, наоборот, противостоять друг другу. Внешне N пай-мальчик, а внутри — зверь. Приведем навскидку основные дуализмы:

Внутреннее	Внешнее
------------	---------

Смысл	Денотат
Означаемое	Означающее
душа	тело
содержание	форма
сущность	явление
дух	материя
истина	ложь
природа	культура

Эти дуализмы говорят о том, что вещь вовне не такая, как снаружи. Первое соотносится со вторым как *истина* с *ложью*: все, что во втором столбце — это измененная форма, тень первого. Утверждение о том, что это диалектическое единство, две части одного целого — ложно. Второе «скрывает» и прячет первое, являясь «контейнером» для него, означающим. Тело замещает душу, форма — упаковка для содержания, материя скрывает дух, ложь существует постольку, поскольку истина может быть сокрыта. Психоанализ — яркое свидетельство того, что тело может быть контейнером для смысла. Смысл в таком случае не может показаться таким, какой он есть, «голым»: он прибегает к помощи тела, чтобы, разместившись в нем как контейнере, породить знак. Психоанализ — обратная работа: нужно извлечь из контейнера смысл наружу, «достать» его.

Когда я равен самому себе, сфера иного мне отсекается от меня, поэтому невозможно помыслить такую ситуацию, когда тело и смысл не одно и то же. Использование телом ресурсов тела означает их взаимную отчужденность друг от друга. Это яркое следствие антропологической катастрофы: тело является не смыслом, а его носителем.

К тезису об антропологической катастрофе

Тождество с собой помечено и недопустимо.

Тождество (его мы называем *запрещенной тавтологией*) приведет к взрыву того, что мы называем *социальностью*. Социальность для нас — это система отсыла (референции) субъектов общества к иному по отношению к себе. Центральную роль в нашей концепции социальности играет фигура Другого (Другой обладает предикатом истинности, а не ты). Антропологическая катастрофа (далее также АК, термин введен Мамардашвили [5]) состоит в том, что субъект не принадлежит себе (растождествлен с собой). На практическом уровне она состоит в том, что мы не знаем (а лучше сказать, не чувствуем), *что нам делать*. На языке философии это означает, что жизнь бессмысленна. Если мы потенциально можем предпочесть один вариант жизни любому другому, то сам выбор бессмыслен¹. Мы можем выбирать, какой вариант лучше (принесет большую выгоду), но то, что мы уже *выбираем*, что у нас есть выбор — бессмысленно.

Из-за отсутствия опоры на себя у нас появляется выбор — но в нем нет никакого смысла. Подлинный смысл ощущается лишь в случае совпадения с собой, когда мы чувствуем себя, что означает ощущение своей однозначности². Лишь такое существование может быть названо осмысленным. Неоднозначность в нашем бытии появляется потому, что наше бытие отсылает нас не к нам, а к чему-то иному по отношению к нам. Если бы мы опирались на себя, у нас бы не было выбора, потому что путь один, и это путь собственного Я, от которого становится невозможно отступить без потери экзистенциальной насыщенности. Это — путь экзистенциального тождества. Лишь в ситуации

¹ Слово «бессмыслен» я употребляю в значении «бесполезен».

² То есть, что подлинная жизнь не может быть иной.

антропологической катастрофы может возникнуть вопрос «как себя вести»: он означает, что у нас есть *выбор*, как себя вести. Но любое иное не лучше другого.

Субъективность и субъект

Понимание антропологической катастрофы приводит нас к пониманию того, кто является «*субъектом*» в подлинном смысле. Нужно начать с того, кто такой субъект и что такое субъективность, и почему они на разных полюсах. Под субъективностью мы понимаем то, чем окружен субъект, когда он не совпадает с собой. Он окружен различными ментальными *воздействиями на него извне*: это воспоминания, это образы, это желания — причем все вышеперечисленное *захватывает* субъекта, опутывает его, он купается в нем. Эти составляющие субъективности мы назовем *грезами* [1]. Мы сказали, что субъект подвергается воздействию субъективности извне. Но как это возможно? Разве субъективность не принадлежит субъекту? Здесь нам оказывается необходима концепция *самости без Я* Ф. Гиренка [1]: субъективности не нужен субъект для того, чтобы существовать, она оказывается чем-то *внеположным субъекту*, субъект и субъективность существуют параллельно и могут быть вполне автономны³; они взаимосвязаны, но одно не вытекает из другого.

В режиме тавтологии субъект свободен от своей субъективности. Человек существует в режиме субъективности постольку, поскольку не равен себе. По выражению Ф. Гиренка, «быть субъективным — значит предоставлять себя действию сил воображаемого» [2, 14]. Тожественность субъекта открывает для него силу само-основания и освобождает его от засилья грез. Субъект становится свободен как от всего внешнего ему, так и от собственной субъективности.

Самотождественность

Мое тождество с самим собой — это ситуация, когда *вовне = снаружи*, и дихотомия «означающее/означающее» редуцируется. Это ситуация $x=x$, Я=Я. Дихотомия «означающее/означающее» неразрывно связана с дихотомией «значение/смысл». В ситуации тождества значение *само* является смыслом, а не «содержит» (как в психоанализе) его. Мое тело — это я сам, моя душа, моя сущность. Когда денотат и смысл совпадают, я смотрю на вещь и вижу *ее*. Я смотрю в зеркало и вижу *себя*: мое тело *является мной*. Становится невозможно провести грань «означающее — означающее», так как денотата, значения, оторванного от смысла (коннотата) в этом случае нет. Это *одно и то же*. Они совпадают.

Возможность несовпадения субъекта с самим собой обусловлена наличием в субъекте и вообще в вещи двух онтологических измерений. Именно потому, что их изначально два, он (субъект) может быть тождественным себе, а может — нет. Тожество субъекта с собой означает, что эти два плана (внутреннего и внешнего) — совмещены друг с другом, отсутствие тождества — что они разделены. Эту разделенность мы назвали антропологической катастрофой. Итак, означающее не равно означаемому тогда, когда вещь не равна себе и позволяет иному говорить за себя.

Если бы в вещи изначально не было бы двух планов, нечего бы было соединять. Если бы мы попытались вообразить «одномерную» вещь, то это оказалось бы невозможным. Действительно, одномерность вещи делает невозможным существование у нее сущности: чтобы являть себя, нужно иметь внутреннее, иначе чему быть во внешнем? Тогда вещь вовсе редуцируется — если у нее нет деления «внутреннее/внешнее», то ее самой не может быть. Уже наличие у универсума каких-то участков, выделенных из него, делает необходимым существование двух планов.

Тожество этих двух планов — запрещенная тавтология. Мы уже сказали, что она является запрещенной, потому что общество построено по модели отсыла-к-иному. Мы здесь говорим о том, что референция к себе возможна, и только в этом случае мы начинаем подлинно существовать. Когда мы отсылаемся к иному, мы не существуем непосредственно, а как бы репрезентируем себя через иное, «плохого посредника». Когда мы реферируем к себе, оболочка иного отпадает от нас, а с субъекта слетают одежды субъективности. Иное не может существовать, если существую я сам. Я даю бытие

³ Постулирование разрыва между субъектом и субъективностью приводит нас к тому, что «из факта существования наскальной живописи не следует существование живописцев» [1, 168].

иному посредством себя тогда, когда отказываюсь от собственного существования, от референции к себе. Это означает антропологическую катастрофу, по модели которой существует общество.

Литература

1. *Гиренок Ф.И.* Аутография языка и сознания. 3-е изд. М., 2016.
2. *Гиренок Ф.И.* Crisis of Metaphysics // European Journal of Philosophical Research. 2016. Vol. 5. No. 1. P. 13 — 17.
3. *Деррида Ж.* О грамматиологии. М., 2000.
4. *Лэйнг Р.* Расколотое «Я». СПб., 1995.
5. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М., 1992.
6. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.
7. *Crow T.* Is Schizophrenia the Price that Homo Sapiens Pays for Language? // Schizophrenia Research. 1997. No. 28.

References

1. *Girenok F.I.* Autografiya yazyka i soznaniya. 3-e izd. M., 2016.
2. *Girenok F.I.* Crisis of metaphysics // European Journal of Philosophical Research. 2016. Vol. 5. No. 1. P. 13 — 17.
3. *Derrida ZH.* O grammatologii. M., 2000.
4. *Lehjung R.* Raskolotoe «YA». SPb., 1995.
5. *Mamardashvili M.K.* Kak ya ponimayu filosofiyu. M., 1992.
6. *Sossyur F. de.* Kurs obshhej lingvistiki. Ekaterinburg, 1999.